

Д.В. Кудрявцев

(СПбГУ)

АЛЖИРСКОЕ ДЕТСТВО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. РОБЛЕСА

Эмманюэль Роблес относится к разряду тех писателей, чья литературная деятельность напрямую связана с их жизненным путем. В его жилах течет испанская кровь: его родители родились в Алжире в семье испанских эмигрантов. Роблес — гражданин Франции, но первую половину жизни провел в Алжире (он окончательно покинул эту страну в 1958 г. после трагической гибели сына). Писатель принимал активное участие во Второй мировой войне, сначала в качестве переводчика, а затем в качестве военного корреспондента.

Все эти моменты нашли свое отражение в его произведениях. Нам представляется возможным выделить три основные темы его книг:

- тема Алжира и Средиземноморья;
- тема Испании;
- тема войны.

Сегодня нам хотелось бы остановиться на алжирской тематике, а более конкретно, на его автобиографических произведениях. Писатель касался темы Алжира на протяжении всей жизни — его первый роман «Действие», связанный с событиями, происходящими в этой стране, вышел в свет в 1938 г., а последнее произведение «Камю — солнечный друг» — в 1995 г. Важно отметить, что хотя Роблесом написано немало книг об алжирской действительности, произведения раннего периода резко отличаются от двух автобиографических — повести «Молодые годы» (1961) и романа «Горячая пора» (1974).

В начале своей литературной карьеры Роблес обращает внимание на социальную несправедливость, на ужасные условия проживания бедняков в Алжире. В его произведениях часто звучат слова «борьба», «братство», «революция». Этим он кардинально отли-

чается от традиционного взгляда большинства франкоязычных авторов, пишущих об Алжире, для которых эта страна прежде всего экзотика, не похожая на метрополию, и которую именно в таком виде необходимо показать читателю. Даже его близкий друг и единомышленник Альбер Камю, который в своих публицистических статьях в 1939 г. со всей откровенностью рисует неприглядную картину жизни коренного населения страны, в литературном творчестве — эссе, повестях, романах — воспекает красоты Алжира, ратует за более тесное слияние человека с природой. Достаточно привести в качестве примера сборник лирических эссе А. Камю «Бракосочетание». Он опубликован в 1938 г., в год выхода в свет романа «Действие».

В середине 1930-х годов в Алжире вокруг А. Камю сформировался литературный кружок молодых франкоязычных авторов. Все они воспевают благодатный край, в котором живут, говорят об особой роли Средиземноморья. Фременвиль публикует сборник стихов «Средиземноморье» (1938), Одизио создает «Молодость Средиземноморья» (1935) и «Морскую соль» (1936). В 1937 г. Эдмон Шарло, молодой алжирский издатель, начинает публиковать серию «Средиземноморье», а в 1938 г. он организует литературный журнал «Побережье». В этот литературный кружок входит и Э. Роблес. В послевоенный период членов этого литературного объединения стали называть «алжирской школой» писателей.

Интересным представляется мнение самого Роблеса в этой связи. Вот что он пишет по данному поводу: «“Алжирская школа” — это название, придуманное парижскими критиками после войны. И если литературная школа предполагает наличие доктрины, теории или общей для группы писателей философии, то ничего подобного не существовало у нас, в годы, предшествующие Второй мировой войне. Что же нас объединяло? Принадлежность к средиземноморской культуре, включая, конечно, и арабскую культуру. И еще — одинаковое неприятие колониализма. В остальном же не было ничего общего между Камю и Кло, между Амрушем и Фременвилем, между Одизио и Ферауном»¹.

¹ Из неопубликованного письма Э. Роблеса от 11.07.1984 автору статьи.

В 1960-е годы во Франции получила распространение такая форма общения литераторов с читателями, как беседы с писателями на радио или телевидении. Журналист Жан-Луи Детьерис провел в 1966 г. шесть интервью на радио с Роблесом. Затем в 1967 г. в издательстве «Сей» вышла его книга «Беседы с Эммануэлем Роблесом», в которую включена стенограмма шести интервью и добавлены отрывки из произведений писателя. Это, пожалуй, самая богатая фактическим материалом книга, в которой Роблес говорит о своих детских и юношеских годах, годах становления, о своем участии в войне, творческом методе, об отношении к алжирским проблемам, об Испании, о Средиземноморье, т.е. практически обо всем том, что определяет его творчество. Весьма ценным в этой книге является то, что писатель сам делает различные выводы, это информация из «первых рук».

В первом интервью Роблес рассказывает о своем детстве и юности в Алжире. И что интересно — в его автобиографических произведениях мы встречаемся с теми же самыми фактами и персонажами, что и в интервью. Чтобы не быть голословным, приведем несколько примеров. На страницах 90–92 повести «Молодые годы» писатель детально рассказывает о возможном происхождении его фамилии, те же самые рассуждения мы встречаем на страницах 8–9 «Бесед...». Во всех трех книгах имеется рассказ о поездке матери Роблеса в Марокко, где от тифа умер его отец («Молодые годы» — с. 95–96, «Горячая пора» — с. 31, 36, «Беседы...» — с. 15–17). Можно продолжить и дальше перечень подобных совпадений, но они нам нужны лишь для того, чтобы показать, что в своих автобиографических произведениях писатель не уходит далеко от реально произошедших в его жизни событий. В своем дальнейшем рассказе мы будем опираться как на его книги, так и на «Беседы...».

Э. Роблес родился в 1914 г. в Оране, втором по значимости городе Алжира. В городе были четко разделенные кварталы. Вот как об этом говорит писатель в «Беседах...»: «В самом деле можно сказать, что речь шла о многочисленных смежных городах: испанский квартал, который называли “Галера” или “Морской”, арабский квартал под названием “Негритянское селение”, еврейский

квартал, который попросту звали “улица Революции”, т.к. эта главная улица полностью его пересекала <...> Новый город <...> в основном состоял из жителей метрополии — офицеров и чиновников <...> И, конечно, это географическое и этническое деление влекло за собой расовые разногласия, которые сохранились до независимости Алжира» [Derierris 1967: 17].

Семья писателя жила в испанском анклавном городе. Описывая жизнь своего квартала, рассказывая о своей матери, Роблес постоянно подчеркивает, что люди вели трудную борьбу за существование, что для взрослых главными были проблемы материального порядка. «Я знал, что она (мать писателя. — Д.К.) всегда одержима одной тревогой: потерять хоть один день работы — значит усугубить тяготы нашей жизни» [Роблес 1976: 11, 26].

В своих первых произведениях об Алжире Роблес более нетерпим к проявлениям несправедливости, к нищете основного населения страны. Поэтому в них и звучат призывы к бунту и даже к революции. В тот период Роблес увлечен идеями «братской солидарности». Его автобиографические произведения — это плод размышлений достаточно пожилого и пережившего человека, на пути которого были и удача, и невосполнимые потери. Ему свойствен более спокойный и глубокий взгляд на вещи, когда на смену пламенным призывам к действию приходит стремление понять поступки, и, как следствие, психологически более тонко разработанные и более сложные образы героев книг. «Я вспоминаю теперь, как в Оране, на тринадцатом году моего существования, в преддверии нищенской зимы, я уже страдал от ощущения замкнутости в себе — в то время как хотел держать весь мир в своих руках» [Роблес 1976: 11]. «Мало-помалу я узнавал, что мне понадобится больше отваги и мужества, чем многим другим, чтобы достойно встретить будущее» [Robles 1961: 98].

В испанском анклавном городе жили в основном строители, и, как он сам говорит, «неудивительно, что среди моих родственников был лишь один столяр на 10–12 строительных рабочих» [Derierris 1967: 16]. В квартале царил атмосфера маленьких испанских городков как по архитектуре, так и по быту. «Женщины носили там траур раз и навсегда и упорно надевали черные одеж-

ды. А так как множество иммигрантов проливали кровь в полках зуавов в 1914 году, обилие вдов придавало нашим переулкам образ монастырей» [Depierris 1967: 16]. После смерти старшего сына мать писателя пошла работать прачкой и вынуждена была проводить много времени в поисках работы. Мальчик был предоставлен самому себе. «Я не был ангелом <...> после школы я жил на улице и входил в состав компании парней <...> в течение года или двух нашим любимым занятием было бить морду маленьким французам. У тех была тенденция презирать своих товарищей еврейского или испанского происхождения. Они звали нас “50 %”, что нас, впрочем, не волновало, хотя, говоря так, они желали нас обидеть, считая лишь на 50 % французами» [Depierris 1967: 19].

Именно в детские годы у Роблеса сформировались многие привычки и отношения к тем или иным фактам. О них он рассказывает сам. «В этом мире каменщиков, легко переносящих трудности, реальная жизнь их преумножала. Все становилось проблемой: поесть каждый день, купить пару обуви. Несомненно, поэтому у меня сохранилась глупая привычка как можно дольше носить обувь, а мои близкие знают, что я могу жить несколько дней на рисе и воде, и это не будет для меня спартанским подвигом» [Depierris 1967: 21].

Интересным нам представляется объяснение писателя по поводу антиклерикальной направленности его книг. «Конечно, самым большим оскорблением для нас было, когда нас сравнивали с девчонками. В 12 лет в моем окружении меня называли *hombre* (мужчина), и на семейных встречах мужчины группировались с одной стороны, а женщины — с другой, как на мессах. Не стоит говорить, что самый большой протест вызывало у меня желание матери записать меня в церковную школу, чтобы уменьшить влияние улицы. Страх, что меня определят в певчие хоры, т.е. заставят носить юбки, вынуждал хитрить и лгать. Я считаю, что тот небольшой антиклерикальный фон, который забавляет моих верующих друзей, идет от этого периода жизни, когда основной моей мыслью было, что я буду унижен, если меня заставят одеться как девчонку» [Depierris 1967: 202].

Будущий писатель много читал и мечтал о далеких странах. «В 12–13 лет я мог часами оставаться один, читать или мечтать. Часто я поднимался на террасу и представлял себе путешествия по морю цвета индиго <...> Я их осуществил позднее <...> Я пишу названия этих городов и слышу, как во мне звучит поэма детства» [Robles 1961: 27].

А вот еще один немаловажный момент, о котором Роблес рассказывает в своих автобиографических произведениях. Походы на море с друзьями, дни, проведенные на пляже, своеобразное слияние с прекрасной средиземноморской природой. И, конечно, зарождение первых юношеских чувств к девушкам. «Мы искали на песке отпечатки юных женских тел, уже тревоживших наше воображение» [Роблес 1976: 11].

В романе «Горячая пора» он довольно подробно рассказывает о девочке Веронике, которая ему очень нравилась. Вот как он описывает свои чувства: «Так, в Оране в некий день моей ранней юности <...> довелось мне узнать, как важно, когда кто-нибудь тебя любит <...> мне казалось, что самое человеческое в существе моем рвалось к любви и что через любовь я, может быть, смогу разрешить загадку, подавляющую мое сознание» [Роблес 1976: 12, 43].

Несмотря на материальные трудности, отсутствие отца в семье, детство Роблеса было счастливым. Рядом с ним было много друзей, о которых он с большой теплотой пишет в автобиографических произведениях. Именно в детстве он получил то, с чем прошел через всю жизнь. «Я хочу сказать, что это детство было для меня хорошей школой со многих сторон и оно привило мне моральные устои, которые некоторым могут показаться упрощенными, но, если подумать, они не упрощенные. Взрослые о них говорят так: в жизни есть вещи, которые человек может делать, и те, которые делать нельзя» [Depierris 1967: 21].

Детство закончилось вместе с окончанием школы. Сам Роблес хотел поступить в Гидрографический институт в Марселе, а после его окончания плавать на корабле. Судьба рассудила иначе. Директор лицея убедил его поступать в пединститут в Алжире. Решающим моментом являлось то, что там был полный пансион

и стипендия, т.е. юноша не был обузой для своей небогатой семьи и мог продолжить учебу. Пединститут в Бузерия (район столицы) называли в тот период «университетом для бедных». В нем учились выходцы из небогатых семей со всех регионов страны. Там было много арабских и кабийских юношей. Для Роблеса это не составляло никакой проблемы, так как в детстве его компания состояла из ребят различного происхождения — еврейского и испанского. Об атмосфере, царившей в институте «Эколь Нормаль», сам он пишет так: «В пединституте не было никакой дискриминации, все жили вместе. Мы образовывали идеальное общество без предрассудков, которое вне стен института не создавалось взрослыми» [Dériertis 1967: 39].

На втором курсе учебы в Бузерия Роблес познакомился с Мулудом Ферауном. Тот в дальнейшем станет известным франкоязычным писателем кабийского (берберского) происхождения. Фераун был так же беден, как и Роблес, и это их сближало: они проводили много времени вместе, читали, гуляли, обсуждали острые вопросы. И оба они писали, правда, еще не литературные произведения, а журнальные статьи. «В тот период я руководил небольшим журналом “Профан”, который мы издавали примерно раз в месяц, когда мне удавалось собрать достаточное количество статей. Я постоянно искал добровольных помощников, и в период экзаменов было довольно трудно получить хоть несколько строк от моих лучших авторов. Два или три раза Фераун помог мне добрать материал для номера» [Dériertis 1967: 38].

Позднее Фераун напишет, что учеба в Бузерия не только была богатой в интеллектуальном и моральном плане, но и позволила ему открыть для себя французов. Подобную же мысль высказывает и Роблес: «В таком разноплановом городе, как мой, я тоже оставался вне рамок мусульманского населения и я его не знал» [Dériertis 1967: 39].

Фераун считал, что именно Роблес склонил его к писательской деятельности: «Я лелеял тайную надежду заставить Роблеса написать роман на кабийском материале, где мы были бы показаны такими, какие мы есть на самом деле <...> Когда я впервые заговорил с ним об этом, он взглянул на меня, прищурился, и вы-

слушал с лукавым видом. — Ты не понимаешь, что это твоя работа? Мы хотим услышать твой голос. За работу! — И ничуть не сомневаясь, он указал мне темы, набросал интригу, открыл широчайшие горизонты» [Feraoun 1959: 11–12]. Роблес иначе вспоминает историю появления на свет первого романа Ферауна: «Было бы несправедливо говорить, что благодаря мне Фераун начал писать и что я даже подсказал ему идею его первого романа “Сын бедняка”. Когда после моей демобилизации в 1946 году мы с ним вновь встретились в Кабилии, он уже начал писать книгу и скрыл от меня это. После появления романа в издательстве “Тетради нового гуманизма” он прислал мне экземпляр с дарственной надписью “Э. Роблесу с восхищением и боязнью показаться смешным”. Я немедленно написал Ферауну и упрекнул его за скромность. Затем я помог переиздать “Сына бедняка” у моего издателя»².

После окончания пединститута Роблес некоторое время работал учителем, но вскоре был призван на военную службу. Он проходил ее в окрестностях столицы и имел возможность довольно часто выбираться в город. Именно в это время он познакомился с Камю и Шарло. Эдмон Шарло был студентом филологического факультета алжирского университета и владельцем небольшого книжного магазина «Истинные ценности», в котором собирались молодые литераторы, включая Камю, страстно влюбленные в Алжир и Средиземноморье. Роблес вошел в этот литературный кружок. Общение с друзьями, их советы подтолкнули Роблеса к написанию первых произведений об Алжире — романов «Действие» (1938) и «Райская долина» (1941).

Позднее, в трудные периоды жизни, связанные со смертью сына и жены, Алжир, его природа, старые друзья помогут писателю их преодолеть. «Я в самом деле не могу жить без обилия солнца! <...> Я люблю опаленные солнцем холмы юга Греции, Алжира, Прованса, Испании <...> оказалось достаточным вернуться в Алжир, встретиться со светом и старыми друзьями детства и юности, чтобы вновь обрести вкус к творчеству» [Dériéris 1967: 114].

² Из неопубликованного письма Э. Роблеса от 13.03.1985 автору статьи.

Таким образом, можно сказать, что детские и юношеские годы Роблеса были во многом определяющими для формирования его моральных устоев, его правил жизни. Именно тогда появилось особое средиземноморское восприятие действительности. «В моих глазах Алжир и Средиземноморье — это одна и та же Родина. Это море никогда не разделяло народы, живущие на его берегах. У них много общих черт — та же вера в судьбу, “фатализм”, та же близость к смерти и та же страсть к жизни, что, впрочем, неотделимо одно от другого»³.

Библиография

[*Depierris J.L.*] Entretiens avec Emmanuel Robles. P.: du Seuil, 1967. 188 p.

Feraun M. Pour saluer Robles // *Simoun*. 1959. No. 30. P. 9–21.

Robles E. Jeunes saisons. Alger; P.: Baconnier, 1961. 101 p.

Роблес Э. Горячая пора // *Аврора*. 1976. № 11–12.

³ Из неопубликованного письма Э. Роблеса от 23.02.1985 автору статьи.